

Том третий: Художественный талант

Глава двадцать вторая: Ты гений

Когда Цзян Сюэ вернулась домой, она увидела, как её брат и Е Юйфань сидят вместе и что-то делают.

— Это часть теории, в конце каждой главы есть ответы на распространённые вопросы, я думаю, ты можешь начать с этого, изучая теорию через практику, — Е Юйфань держал ручку и указывал на журнальный столик.

Цзян Бин нахмурился и кивнул:

— Угу.

Е Юйфань:

— Например, этот классификационный тип двигателя...

...

Когда Цзян Сюэ разглядела, что лежит на журнальном столике, она была в шоке.

Помогите!!!

Её брат учится!

Её идиот брат учится! А учит его этот богоподобный парень!!! Ааааа!!! Наверное, она неправильно вошла в дом!!!

— О, ты вернулась. — Цзян Бин, чьё внимание было совершенно рассеянным, заметил сестру.

Он уже был почти измучен Е Юйфанем, который за несколько минут разобрался в структуре всей книги. Цзян Бин просто из любопытства спросил, и Е Юйфань увлёк его в этот загадочный мир.

Но, очевидно, мир отличника — это не то, что он может понять, даже если захочет!

Возвращение Цзян Сюэ стало для него спасением. Цзян Бин с радостью отложил книгу и спросил:

— Что это у тебя в руках?

Цзян Сюэ устало ответила:

— Это мольберт, дурак!

Цзян Бин:

— А, ты ходила на пленэр?

Цзян Сюэ поставила мольберт в угол, потянулась и сказала:

— Устала, даже на каникулах нет покоя, в такую холодную погоду совсем не хочется выходить.

Цзян Бин с любопытством спросил:

— Куда вы ходили? Что рисовали? Покажи!

Цзян Сюэ сначала хотела отказать, но, заметив, что Е Юйфань тоже смотрит на неё, взяла мольберт, бормоча: «Что тут интересного, тебе это же неинтересно», но в то же время ожидая реакции Е Юйфана.

Мольберт был армейского зелёного цвета, раскладывался как большая папка, внутри которой лежали листы с рисунками. Цзян Сюэ достала два наброска, сделанные сегодня.

— Парк Наньху? — спросил Е Юйфань.

Цзян Сюэ обрадовалась:

— Вау, ты узнал?

Е Юйфань провёл пальцем по наброску и с лёгкой улыбкой сказал:

— Да, я часто бывал там. — Это было в те дни, когда он начал прогуливать школу и целыми днями сидел в парке Наньху, погружённый в свои мысли.

На рисунке Цзян Сюэ был изображён вход в парк, и Е Юйфань сразу узнал его:

— Очень детализировано, но линии недостаточно плавные.

Цзян Сюэ удивилась: именно это часто говорил ей учитель. Как Е Юйфань это знает?

— И ещё, фон слишком детализирован, в этом нет необходимости, — не отрывая взгляда от рисунка, продолжил Е Юйфань. — Если передний план и фон обрабатываются одинаково, то картина теряет глубину. Мы видим объекты крупнее вблизи и мельче вдали, передний план должен быть чётким, а фон — размытым или ослабленным.

Объяснение Е Юйфана звучало очень профессионально. Цзян Сюэ думала, что он только хорошо учится, но оказалось, что он разбирается и в рисовании! Единственное, в чём она считала себя лучше, чем он, тоже оказалось под вопросом. Она почувствовала лёгкое разочарование, но в то же время сильное волнение.

Этот человек действительно оправдывал её симпатию. Он был таким талантливым, таким совершенным, и совсем не было видно, что у него психическое заболевание... Цзян Сюэ даже начала сомневаться, была ли записка, которую она нашла при стирке, чьей-то шуткой. Но она знала, что Е Юйфань давно не ходил в школу, и содержание записки было лучшим объяснением этому.

Цзян Сюэ никому не рассказала об этом, даже брату.

Информация из записки не прошла для неё бесследно, но это не уменьшило её симпатии к Е Юйфаню. Возможно, потому что подростки больше обращают внимание на внешность; или, возможно, потому что первая любовь оставляет в сердце девушки глубокий след, который не так легко стереть.

Е Юйфань был красив, умен, добр, зрел... Его обаяние было настолько сильным, что мелкие недостатки просто не имели значения.

— Ты учился рисовать? — спросила Цзян Сюэ.

Е Юйфань задумался на несколько секунд, затем ответил:

— Нет.

Цзян Сюэ:

— Самоучка?

Е Юйфань покачал головой:

— Я не умею рисовать.

— ... — Цзян Сюэ не знала, что сказать, но заметила, что выражение лица Е Юйфана изменилось. Когда он говорил о наброске, он выглядел очень серьёзным, и в нём была какая-то аура, вызывающая уважение. Но сейчас его лицо выражало растерянность.

Цзян Сюэ достала ещё один рисунок из папки и положила его перед Е Юйфанем:

— Как тебе этот?

Е Юйфань посмотрел на Цзян Сюэ, в его глазах читалось недоумение, затем он опустил голову.

Постепенно его лицо снова стало серьёзным. Он указал на одну точку на рисунке:

— Здесь перспектива неправильная.

Цзян Сюэ вздрогнула: это был её исправленный набросок гипсовой фигуры, и Е Юйфань сказал то же самое, что и её учитель!

— И здесь, — Е Юйфань быстро указал на несколько других мест, и каждое его замечание было точным!

Это было нечто особенное. Человек, не умеющий рисовать, увидев этот набросок Цзян Сюэ, сказал бы просто «похоже» или «красиво». Неспециалист не смог бы так точно указать на ошибки в перспективе.

Одно это убедило Цзян Сюэ, что Е Юйфань профессионал. В одном месте он даже предложил способ исправления, словно видел тени гипсовой фигуры под прожектором.

— Ты правда не умеешь рисовать? — спросила Цзян Сюэ.

Е Юйфань покачал головой:

— Нет.

— Хочешь научиться? Я думаю, у тебя получится, — ободрила его Цзян Сюэ.

Е Юйфань сказал:

— Я... могу?

Цзян Сюэ воодушевлённо ответила:

— Конечно! Если ты действительно никогда не учился рисовать, то ты гений. Только гений может сразу увидеть ошибки в моём рисунке!

— Не знаю, я просто сказал, что думаю, — действительно так считал Е Юйфань. У него была естественная интуиция к рисункам Цзян Сюэ, что хорошо, а что плохо, он просто выражал свои ощущения.

Он не понимал, что его долгие периоды задумчивости развивали это чувство, например, когда он долго смотрел на сцену, ловил мимолётный образ, а затем представлял, как он будет выглядеть на бумаге.

Каждый такой процесс был похож на подготовку к рисованию, ясный и неясный одновременно, уверенный и сомневающийся. Так, сцена за сценой, рисунок за рисунком, всё это оставалось в его памяти, словно фотографии, которые он никогда не забывал.

Поэтому он сразу узнал набросок парка Наньху, обычный парк, но он заметил в нём уникальные детали.

Конечно, Е Юйфань не знал этого и не понимал, что это было чем-то особенным. Он думал, что это естественно, как то, что все знают, что чёрное — это чёрное, а белое — белое.

Цзян Сюэ была в восторге от его «таланта», она говорила искренне, без лести.

Е Юйфань чувствовал себя хорошо. Никто не любит, когда его хвалят, особенно тот, кто всегда был уверен в себе. Но за последние полгода его уверенность была почти разрушена, и он давно не слышал искренних похвал.

Е Юйфань в здравом уме избегал рисования, но сейчас он не хотел разочаровывать Цзян Сюэ и спросил:

— Как вы учитесь рисовать в школе?

— А, сначала мы учимся рисовать наброски, учитель говорит, что это основа всего! — Цзян Сюэ начала объяснять, показывая свои рисунки.

Е Юйфань:

— Наброски... это карандашом?

Цзян Сюэ почесала голову:

— Да, иногда углём.

Е Юйфань:

— А как рисовать наброски?

— Сначала композиция, например, давай нарисуем телевизор и тумбу... — Цзян Сюэ взяла карандаш, вытянула руку, прищурила один глаз и нарисовала два прямоугольника, обозначив границы объектов. — Видишь, это композиция.

— А зачем ты вытянула руку? — Е Юйфань повторил её жест.

Цзян Сюэ объяснила:

— Так можно примерно измерить пропорции телевизора и тумбы.

Е Юйфань попробовал:

— ...Понятно.

— Затем рисуешь структуру и контуры объектов, — Цзян Сюэ показывала и объясняла, а Е Юйфань внимательно слушал. Но Цзян Бин, не разбирающийся в рисовании и не интересующийся им, остался в одиночестве, играя в приставку.

Цзян Сюэ объясняла терпеливо, выкладывая всё, что знала, но всё равно чувствовала, что этого недостаточно. Перед таким идеальным человеком, как Е Юйфань, даже учебник казался неполным.

Если бы Е Юйфань был таким, как раньше, он бы, конечно, восхищался Цзян Сюэ, ведь к предметам, в которых он не разбирался, он всегда относился с уважением.

<http://bllate.org/book/16335/1474807>